

Здесь неизвестный нам книжник, несомненно, апеллирует ко второй редакции Хронографической «Александрии», дошедшей до нас в составе второй редакции Летописца Еллинского и Римского. Эта редакция содержит вставку неизвестного происхождения, где повествуется о попытках Александра Македонского «небесную высоту испытати и глубину морскую»; она включает два абзаца, озаглавленных соответственно «О испытании высоты небесной» и «О испытании глубины морстей» (Истрин В. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения. С. 203; Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 145).

Анализируя круг источников, к которым обращались составители белорусско-литовских летописей, нельзя обойти вниманием вопрос о характере их интерпретации, даже если речь идет о простых текстуальных заимствованиях. Симптоматичным примером здесь может служить описание в Хронике Быховца сцены убийства великого князя Сигизмунда Кейстутовича. Как показал осуществленный нами анализ, автор данного описания привлек к своей работе «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» из Ипатьевского свода. При этом он отнесся к тексту «Повести» сугубо «потребительски»: изъясил из контекста и произвольно скомпоновал отдельные элементы препутления.

Аналогичный подход наблюдается и в отношении древнерусских летописных персоналий, анахронично использованных при составлении упомянутого выше легендарного повествования о походе Гедимины на Волынскую и Киевскую земли. Неизвестный нам книжник превратил персонажей Галицко-Волынской летописи в современников и противников Гедимины, а их родовую солидарность, хорошо прослеживаемую по оригинальным летописным сюжетам, – в их совместные действия в борьбе с Гедимино.

Такое отношение к древнерусским текстам отчетливо коррелирует с редакционной моделью белорусско-литовских летописей широкой редакции, чьей характерной чертой было наличие пространного квазиисторического введения, посвященного начальному этапу истории Литвы (от римлян, легендарных предков литовцев, до времен Гедимины). Оно было призвано заменить общерусские известия краткой редакции первой половины XV в. своими материалами, пусть даже придуманными *ad hoc*. При этом весьма характерно, что формально отброшенная книжниками «Повесть временных лет» стала «структурно-семантической моделью, своеобразным каркасом, готовой схемой, которую автор легендарной части летописей Великого княжества Литовского наполнил другим содержанием» (Морозова Н.А. О древнерусских источниках легендарной части летописей ВКЛ // *Kalbotyra*. № 43(2): *Lituanoslavica*: Языки. Культура. Контакты. Вильнюс, 1993. С. 52–59). Таким образом, даже отдаляясь от культурного наследия Древней Руси, книжники ВКЛ, тем не менее, оставались в рамках общерусского культурного кода.

Д.С. Рыжова (Москва)

Проблемы изучения геральдической лексики в англо-нормандских источниках

Наиболее привычным проявлением геральдики являются для нас, условно, изображения гербов, однако графические образы – далеко не единственное её выражение. Самые ранние известные нам гербовники представляют собой собрания не изображений, а словесных описаний гербов. Такие

описания, подчинённые определённым грамматическим правилам и использующие специальную лексику, называются блазонами. Исследования ранних гербовников показывают, что к моменту их создания правила блазонирования и геральдическая номенклатура уже были достаточно унифицированными и устоявшимися, что в свою очередь свидетельствует о том, что сложились они в период существования геральдики ещё только как устный практики. Поскольку нам относительно немного известно об этом периоде, на первый план выходит именно лингвистический анализ имеющихся текстов, как чисто геральдического содержания, так и литературных источников, упоминающих гербы или использующих соответствующую лексику.

Проводить лингвистический анализ всего корпуса геральдических терминов – задача исключительно трудоёмкая, поэтому в качестве её начала для исследования была выбрана обособленная и легко вычленимая группа терминов – тинктуры (финифти, эмали), то есть геральдические цвета. Надо заметить, что интерес к проблеме цветонаименования, как к крайне информативному лингвокультурному показателю начался во второй половине XIX века с исследования античных лексем, обозначающих цвета, система которых сильно отличалась от современного представления о цветовом спектре. Подобного рода исследование на материале блазонов может стать крайне ценным и для изучения ранних этапов развития геральдики.

Оригинальный язык английского блазона – англо-нормандский, по сути своей являющийся диалектом среднефранцузского языка. Однако названия геральдических цветов представляют собой довольно необычные слова, которые на момент своего появления в первых геральдических текстовых источниках в XII–XIII вв., уже не являлись частью повседневной лексики французского языка. Все эти корни являются заимствованиями из других языков, причём этимология некоторых из них неясна до сих пор. Почему именно эти слова, а не базовые наименования цветов закрепились в качестве терминов – вопрос довольно сложный и настоятельно требующий внимания исследователей. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении можно заметить, что у геральдических терминов, обозначающих цвет, есть отличия от бытующих в языке базовых наименований цветов, которые если и не являются абстрактными, то, по крайней мере, воспринимаются таковыми. Если они не выказывают легко и непосредственно своей связи с реальными материальными объектами, ставшими «прототипами» цвета, то в геральдических терминах, обозначающих цвета, напротив, корнем всегда является конкретный предмет, обладающий характерным цветом. Именно этот объект и даёт своё имя в качестве названия цвета, при этом геральдические термины предназначены называть «абсолютные» цвета, то есть включают в себя все возможные оттенки или вообще не подразумевают их, что по сути, одно и то же.

Практически каждый автор геральдических трактатов, начиная с самых первых средневековых работ, посвящал отдельную главу своего труда цветам, описывал термины, их происхождение и значение, а часто и приписывал им определённый символизм, которого тинктуры были лишены на ранних этапах существования геральдики. В период романтического увлечения геральдикой разные авторы придавали цветам всё больше версий-значений, придумывая их самостоятельно или подгоняя под требования контекста. Таким образом, современным исследователям подчас трудно разобраться в имеющихся версиях и найти истину. Сегодня в этом направлении исследований существует ряд научных трудов, посвящённых лингвистическому

анализу средневекового блазона, и благодаря им данные ряда источников представляются более систематизированными, однако тема по-прежнему требует более пристального внимания и должна изучаться только с использованием междисциплинарного подхода.

Ю.Д. Рыков (Москва)

Две редакции поучения, приписываемого еп. Ростовскому Кириллу II в составе сборника Ярославского собрания РГБ

Настоящая работа посвящена введению в научный оборот данных о неизвестном списке двух редакций Поучения св. архиеп. Кирилла. Это поучение рядом отечественных исследователей атрибутировалось еп. Ростовскому Кириллу II, но было известно им только в одном редакционном варианте.

Кирилл II – известный церковный деятель XIII в., причисленный РПЦ к лику Ростово–Ярославских святых (об этом церковном деятеле подробнее см.: Творогов О.В. Кирилл II // СКиЖДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 223–225; Кузьмин А.В. Кирилл II // ПЭ. М., 2014. Т. 34. С. 594–597; и др.). Точное время, место рождения и светское имя будущего святителя неизвестны. Вероятно, в перв. четв. XIII в. он покинул мир и постригся в мужском Владимирском Рождественском монастыре под именем Кирилла. После 14 марта 1227 г., когда архим. Владимирского Рождественского монастыря Митрофан был хиротонисан в сан еп. Владимирского, Кирилл стал игуменом, а затем и архимандритом этой обители. После того, как в Ростовской епархии в сентябре 1227 г. освободилась епископская кафедра из-за ухода еп. Ростовского Кирилла I «на покой» в монастырь, ростовские князья Василий, Всеволод и Владимир Константиновичи обратились с просьбой к вел. кн. Владимирскому Юрию Всеволодовичу, чтобы он «пустил» игумена и архим. Владимирского Рождественского монастыря Кирилла «на епископство Ростову» (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1, ч. 2. Стб. 453). Просьба эта была исполнена, и Кирилл был торжественно встречен в Ростове князьями, боярами и горожанами. В 1231 г. Кирилл уехал в Киев, получил там епископскую хиротонию и официально стал еп. Ростово–Ярославской земли.

По возвращении из Киева еп. Ростовский Кирилл развернул активную церковную деятельность: он занимался освящением новых храмов, венчал князей и княгинь в Ростовском кафедральном соборе, а во время тяжелых лет монголо–татарского завоевания похоронил вел. кн. Юрия Всеволодовича, погибшего в неравном сражении с монголо–татарами на р. Сити, а затем и своего духовного сына – кн. Василька Константиновича, плененного и убитого монголо–татарами в плену.

Благодаря успешной церковной деятельности и искусной дипломатии еп. Ростовский Кирилл пользовался определенным авторитетом и у иноверных монголо–татарских завоевателей. В течение 1253 г. он два раза ездил в Орду к хану Берке, излечил его больного сына и даже обратил в христианство племянника золотоордынского хана царевича Петра. Свыше 30 лет Кирилл II успешно возглавлял Ростово–Ярославскую епархию (1231–1262 гг.). Скончался он 21 мая 1262 г.

Еп. Ростовский Кирилл II прославился не только как авторитетный церковный иерарх, но и как духовный проповедник, произносивший церковные поучения. Автор Лаврентьевской летописи подчеркивал высокий авторитет еп. Кирилла и его духовную образованность: благочестивый народ епархии